

Кобэ сирицу хакубуцукан). [Электронный ресурс]. URL: http://www.city.kobe.lg.jp/culture/culture/institution/museum/meihin_new/505.html (дата обращения: 10.01.2019) (in Japanese).

Schilling P. Dorotheus, O. F. M., Das Schulwesen der Jesuiten in Japan 1551–1614. *Revue des Sciences Religieuses*. Marchal L. (Ed.). Tome 12. Münster, 1932. Pp. 484–486.

Sugita Genpaku Rangaku Kotohajime. Ogata Tomio. Tokyo: Iwanami shoten, 2012 [«Рангаку Котохадзимэ» Сугита Гэмпаку (Сугита Гэмпаку Рангаку Котохадзимэ)]. Огата Томио. Токио: Иванами сётэн, 2012 (in Japanese)].

Suzuki Takeo. Matsudaira Sadanobu to Kika Genpon. *Sugaku kyōiku kenkyū*. 2007. Vol. 37. Pp. 81–90 [Судзуки Такэо. Мацудайра Саданобу и «Основы начертательной геометрии» (Мацудайра Саданобу то Кика Гэмпон). *Сугаку кёйку кэнкю*. 2007. Т. 37. С. 81–90 (in Japanese)].

Xu Zelin, Zhou Chang. Standing on the Shoulders of the Giant. Influence of Seki Takakazu on Takabe Katahiro's Mathematical Achievements. *Seki, Founder of Modern Mathematics in Japan: A commemoration on His Tercentenary*. Ed. by Knobloch Eberhard, Komatsu Hikosaburo, Liu Dun. (Springer Proceedings in Mathematics & Statistics. Vol. 39). Tokyo: Springer, 2013. Pp. 311–330.

Yanagawa Shunsan. *Yosan Yūho*. Edo: Nihonbashi Higashinaka dori Shimomaki cho, 1857. Янагава Сюнсан. *Основные методы европейской математики (Ёсан ёхо)*. Эдо: Нихонбаси Хигасинака дори Симوماки тэ, 1857. [Электронный ресурс]. URL: <https://iss.ndl.go.jp/books/R000000050-1000005375-00> (дата обращения – 12.10.2018). (In Japanese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ФИЛИППОВ Евгений Александрович – ведущий библиотекарь Отдела литературы стран Азии и Африки Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Evgeny A PHILIPPOV – Expert Librarian, The Department of Asian and African Literature of the National Library of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

DOI: 10.31857/S086919080006164-7

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ ТРАПЕЗУНДСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ
ЛЕТОМ 1917 г.*

© 2019

А. Г. ЦЫПКИНА

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Архив РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-5267-7924; anna021090@yandex.ru

Резюме: В 1916–1917 гг. Академия наук направила в занятый русскими войсками Трапезунд экспедицию под руководством византиниста Ф. И. Успенского для охраны и описания исторических памятников. Одним из важнейших направлений ее деятельности стал сбор и описание старинных рукописей, основная масса которых была собрана в главной городской мечети Орта-Хисар. Описанием рукописей с лета 1917 г. занялся известный востоковед и специалист в области восточных языков, полиглот А. Е. Крымский. Всего было собрано примерно 2–3 тыс. пудов различных книг и бумаг, в том числе Кораны второй половины XIX в., литературные произведения на турецком и других языках (арабском и персидском), а также многочисленные делопроизводственные бумаги, способные дать достаточно репрезентативную картину социально-экономических отношений в Трапезунде за весь период турецкого владычества (XV–XX вв.). Отобранные из этого массива документы при отступлении русских войск в 1918 г. были эвакуированы в Батум и Тифлис. Были опубликованы далеко не все результаты работы экспедиции, поскольку связь между ее участниками оказалась потеряна из-за Гражданской войны и конфликта интересов между ними. В 1920-е гг. турецкое правительство подняло вопрос о возвращении захваченных рукописей, и в 1929 г. они были возвращены в обмен на часть имущества Русского Археологического Института в Константинополе, конфискованного в начале Первой мировой войны. Ряд эвакуированных рукописей во время Гражданской войны пропал, однако исследование показало, что большая часть рукописей все-таки сохранилось и была возвращена Турции.

Новые документы из российских и зарубежных архивов помогают восстановить хронологию этих событий, по сохранившимся письмам и их черновикам прослеживается судьба рукописей от момента сбора в 1916 г. до описания в 1917 г. и возвращения турецкому правительству. Вводятся в научный оборот рабочие записи А. Е. Крымского и данные из его личной переписки, а также переписка Народного Комиссариата Иностранных дел с Академией наук по поводу восточных рукописей из Трапезунда, приводятся данные из других неопубликованных источников, таких, как воспоминания трапезундского градоначальника Я. И. Кефели.

Ключевые слова: А. Е. Крымский, Ф. И. Успенский, трапезундская экспедиция 1916 и 1917 гг., восточные рукописи, имущество РАИК, описание рукописей.

Для цитирования: Цыпкина А. Г. Описание рукописей Трапезундской экспедицией летом 1917 г. *Восток (Oriens)*. 2019. № 4. С. 208–219. DOI: 10.31857/S086919080006164-7

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00213).

DESCRIPTION OF MANUSCRIPTS, COLLECTED
BY THE TREBIZOND EXPEDITION IN THE SUMMER OF 1917

© 2019

Anna G. TSYPKINA

Lomonosov Moscow State University, Archive of RAS, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-5267-7924; anna021090@yandex.ru

Abstract: In 1916–1917, Russian Academy of Sciences sent expedition to the occupied by Russian troops Trabzon, led by famous Byzantinist Feodor. I. Uspensky, in order to guard, register and describe local historic monuments and artifacts. One of the expedition's important activities was collection and description of old manuscripts, collected and brought mostly into the main city mosque Ortahisar. Since the summer of 1917, this work had been carried out by the famous orientalist Agafangel E. Krymsky. The expedition collected about 32–48 tonnes of books, manuscripts, and various papers, including several Qur'ans of the late 19th century, literary works in Turkish, Arab and Persian languages, as well as numerous documents, helping to form a representative image of Trabzon's socio-economic situation for the whole period of Turkish rule (15th – early 20th centuries). The expedition selected some manuscripts from the corpus of collected works and relocated them to Batumi and Tiflis before the retreat of Russian troupes. Not all the results of the expedition were published because of the conflicts of their scientific interests and the Civil War in Russia, when the contacts between the expedition members were lost. In the 1920th the Turkish government raised the question about the captured manuscripts, so they were returned in 1929 in exchange for the part of the property of Russian Archaeological Institute in Constantinople. Present research reveals that most of the manuscripts were successfully returned, while only some of them disappeared during the Civil War.

New documents from various Russian and foreign archives based on the surviving correspondence and the drafts of letters help us to restore the chronology of those events. The fate of manuscripts from the times of their collection in 1916 to their description in 1917 and the return to the Turkish government is traced. Here are for the first time published some records of Agafangel E. Krymsky and his personal correspondence, as well as some relevant the correspondence of the People's Commissariat for Foreign Affairs with the Academy of Sciences. The author also uses information from other unpublished sources, such as the memoirs of Trabzon city administrator Dr. Ya. I. Kefeli.

Keywords: A. E. Krymsky, F. I. Uspensky, Trebizond expedition of 1916 and 1917, oriental manuscripts, RAIK property, description of the manuscripts.

For citation: Tsyapkina A. G. Description of manuscripts, collected by the Trebizond expedition in the summer of 1917. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 4. Pp. 208–219. DOI: 10.31857/S086919080006164-7

СИТУАЦИЯ С ВОСТОЧНЫМИ РУКОПИСЯМИ В ГОРОДЕ
И АРХИВАМИ В ЦЕЛОМ ДО ПРИЕЗДА ЭКСПЕДИЦИИ.
ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ КОЛЛЕКЦИИ В 1916 г.

Трапезунд был занят русскими войсками с 5(18) апреля 1916 г. по 11(24) февраля 1918 г. Согласно «Временному положению об управлении территориями Турецкой Армении, занятыми по праву войны», эта область подчинялась главному командованию Кавказской армии. 17 марта 1916 г. по отношению ко всем захваченным территориям Кавказа главнокомандующий кавказской армией Великий князь Николай Николаевич издаёт приказ № 117, которым запрещает «куплю, продажу и собирание» старых книг и рукописей всем, кроме специально уполномоченных лиц. Таковыми лицами в Трапезунде были участники экспедиции Ф. И. Успенского, посланной в город от Комиссии Академии Наук для регистрации и охраны памятников. К выполнению своих обязательств участники экспедиции приступили незамедлительно по приезду в город (13 мая 1916 г.) и обнаружили в нём «мерзость запустения» [Успенский, 1916(1), с. 1467]: «открытые две-

ри, разбитые ящики и сундуки, выпущенная шерсть из тюфяков, пух из подушек, разбросанные книги и деловые бумаги...» – писал в отчетах Ф.И. Успенский. «Не менее безотрадное впечатление [чем остальной город. – А.Ц.] производит вид Св. Софии, – зафиксировал Ф.И. Успенский в дневнике. – Двери ее также раскрыты, стекла выбиты, она доступна для всякого, ибо нет ни одного представителя мусульманского духовенства, ни русских священников (...) Также необходимо принять меры по поводу закрытия мечети... При нашем посещении здесь оказались разбросаны по полу обрывки бумаги и рукописей, целый архив книг и разных деловых записей, валялись по полу в беспорядке на хорах» [СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 310. Л. 1–2].

Вокруг церкви Св. Евгения ситуация была не лучше: «Кругом церкви следы разрушения, брошенные рукописи и книги. В школе следы последнего урока арифметики на доске: цифры от 10, задача на сложение, разбросаны карты и квитанции» [Успенский, 2017(1), с. 163]. Развалы распотрошенных рукописей находились также рядом с другим собором, главной мечетью города – Орта-Хисар, бывшей церкви Хрисокефалос¹. Во внутренней части этого собора Богородицы Златоглавой, куда, по преданию, греки «перед падением города замуровали где-то в стене собора обширную библиотеку, состоявшую из древних манускриптов» [*Трапезондский военный листок*, 1916, №30, с. 3], тоже находились вещи, могущие привлечь внимание археографа: «На древних, христианских хорах, в вечных полусумерках навалены груды сундуков с восточными документами и книгами; на сводах над ними висят головами вниз сотни летучих мышей; при появлении человека они срываются и начинают черкать вокруг него воздух» [Минцлов, 1925, с. 44], – вспоминает в «Трапезондской эпопее» чиновник особых поручений при генерале А. В. фон Шварце писатель С. Р. Минцлов. 13 мая 1916 г. Ф.И. Успенский запишет: «Целые кипы деловых бумаг, тюки и мешки с книгами и бумаги валялись на хорах в беспорядке, оставленные грабителями как не заключающие реальной ценности» [Успенский, 1916(1), с. 1473]. «Когда под руководством учёных эллинистов мы группой обходили храм, стаи летучих мышей вспархивали из темных его углов и скрывались в противоположной стороне», – вспоминает доктор И. Я. Кефели [BAR, Kefeli papers, p. 30], городской голова Трапезунда.

Именно в мечети Орта-Хисар Ф.И. Успенский и начнет приводить в порядок разбросанные там рукописи и приносить новые². Причем отбирались не только те материалы, которые имели отношение к научным интересам Успенского, но и те, которые могли бы дать понятие о новейшей истории края. В число забот византиниста попадают и простые делопроизводственные документы местного значения: судебные и губернские дела, таможенные, банковские; земельные описи, которые не имели для экспедиции никакого научного значения, но являлись важными для бежавшего турецкого населения [Успенский, 1918, с. 214–215] и бездумно уничтожались; подробнее см.: [Цыпкина, 2015]. То, что уже было в «архиве» Хрисокефалос на момент приезда экспедиции, Ф.И. Успенскому удалось дополнить рукописями «из соседнего с мечетью помещения»; некой «турецкой библиотекой из частного дома, занятого третьим отрядом Государственной думы», а также рукописями, найденными им самим и археологом по образованию С. Р. Минцловым. Такая работа Ф. И. Успенского была весьма кстати. Было необходимо спасти то,

¹ Сейчас принято написание с одной буквой «с» в конце слова, тогда как в начале XX в. было принято написание с двумя. По этой причине при цитировании документов оставлена соответствующая времени орфография. Точно таким же образом в соответствии с духом времени автор статьи сочла нужным оставить в цитатах старое написание Трапезунда как «Трапезунт» и некоторых других слов, например «частью», а не «частью».

² В статье также содержится материал устного доклада А. Г. Цыпкиной, представленного на конференции «Археография в XXI веке: люди, идеи, публикации», в Москве в 2014 г. в РГГУ: «Русская археологическая экспедиция в Трапезунд под руководством академика Ф. И. Успенского: археографический аспект». Доклад должен был быть опубликован в сборнике конференции, который в итоге не вышел.

что еще оставалось, так как уничтожение трабзонских архивов осуществлялось не только греками, которым были интересны расписки о долговых и других обязательствах, но – по невежеству – и русскими: «Оказалось, – писал С. Р. Минцлов в «Трапезундской эпопее», – что <...> командир телеграфной роты Мелик-Парсаданов распорядился произвести генеральную чистку отданных под постройку его роты зданий», «и весь архив края и суда за все время владычества турок были вывалены в овраг и преданы сожжению: сколько тут погибло важных и ценных материалов – это теперь вопрос уже праздный!» [Минцлов, 1925, с. 42].

Ф. И. Успенский также задумывается о переносе библиотеки из греческого училища Трапезунда (Фронтистирион), но, поскольку не может предложить надежной охраны, отказывается от этой мысли сразу же [Успенский, 2017(2), с. 129]. Кроме того, по воспоминаниям Ф. И. Успенского, «начальник штаба корпуса» говорил, что русские относятся «к грекам не как к подчинённому народу, а, напротив, как к элементу, способствовавшему нашим в стране успехам. К грекам неприменимы те требования, которые возможно предъявлять к армянам и туркам. Так, по его словам, было бы очень трудно потребовать от греческой митрополии или от греческого фронтистирион³ предъявления каталога имеющихся у них рукописей и древних предметов» [Успенский, 2017(1), с. 174].

Работа Трапезундской экспедиции проходила в рамках деятельности Комиссии об организации охраны и исследования археологических памятников, созданной для нужд, вызванных войной; главной ее целью была охрана, регистрация и описание новых памятников. Вскоре экспедиция приобретает археографический характер, поскольку имущество не только мирных жителей, но и архивов и библиотек расхищалось или разбрасывалось по городу, где его подбирал любой желающий. Например, генерал русской армии В. А. Яблочкин в Штабе 5-го армейского корпуса устроил особый склад как памятников старины, так и другого добра [Басаргина, 1991, с. 303], который, вероятно, в Трапезунде был не единственным. В обращении к тому же генералу В. А. Яблочкину под пунктом 3 в разделе «по отношению к мечетям и другим памятникам» Ф. И. Успенский замечал: «В том случае если бы оказалось имущество в нескольких мечетях, более легкой охраны его требовалось бы снести его в одну более прочно построенную и имеющую хорошие запоры, а остальные мечети запереть. Переписав собранное имущество и составив протокол обо всем происшедшем по вышесказанному, оригинал протокола хранить при управлении коменданта, а другой в городском управлении» [СПбФ АРАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 4. Л. 5 об.].

Предварительный отчет по собранным и спасенным рукописям был написан Ф. И. Успенским в дневнике. Относительно этих рукописей в 1916 г. Его Императорским Высочеством Наместником было принято следующее решение: ящик № 1 был одобрен к перевозке в Академию Наук в Петроград. «Вместе с тем мне было поручено объяснить Академии Наук, – докладывал Ф. И. Успенский на заседаниях Академии, – что рукописи предоставляются Академии “для ознакомления и изучения” впредь до новых распоряжений, имеющих последовать по окончании войны. По мнению Его Высочества, особому рассмотрению и решению подлежит судьба рукописей, секвестрированных в мечетях, от тех, кои приобретены частным образом. Относительно этих последних (ящики III и IV) Его Высочество не встречает препятствий к тому, чтобы они были распределены между русскими учреждениями, интересующимися восточными рукописями» [Успенский, 1916(2), с. 1491].

От 17 сентября 1916 г. приведен предварительный список рукописных коранов, описание которых впоследствии было сделано А. Е. Крымским и И. Ю. Крачковским [Успенский, 1918, с. 212–216].

³ Училища. Дословный перевод – подготовительные курсы.

СУДЬБА ЭТОЙ КОЛЛЕКЦИИ РУКОПИСЕЙ В ОТСУТСТВИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

За зиму 1916–1917 гг., в отсутствие членов экспедиции, с архивом в мечети Орта-Хиссар в Трапезунде произошли изменения: «В течение зимы много незваных посетителей проникало туда и с ключами, и без ключей, через окна и двери. Хранившиеся на хорах и в других помещениях акты, рукописи и разные собрания подверглись грубому пересмотру и новому расхищению». В лето 1917 г., несмотря на смену администрации, Ф. И. Успенский опять столкнулся с проблемами охраны помещений с рукописями: «Уже второе лето <...> я неоднократно приходил в крайнее смущение перед вопросом: как охранить предметы искусства, рукописи, книги и проч. От расхищения и порчи в то время, когда ключи от памятников – разумеются прежде всего мусульманские мечети, обращённые в таковые из христианских церквей – находятся не в ведении археологической экспедиции, и когда доступ в мечети, как это было в прошлом году в мае и как повторилось в нынешнем 1917 г. в июне, был открыт для всех уже в силу того простого факта, что двери в мечетях были сняты (св. София), ключей и запоров не было совсем, хотя двери поправлялись и замки покупались несколько раз в год» [Успенский, 1918, с. 225].

Впрочем, как заметил по приезде академик А. Е. Крымский, «интересных рукописей отложено всего сотни три – цифра все же достаточно внушительная» [Успенский, 1918, с. 214].

Кроме того, и во время работы экспедиции случались хищения. «Грекам известно, – писали Успенскому, – что турки спрятали в Орта-Хиссар много важных бумаг, среди которых имеются и векселя греков. Векселя эти хотя будто бы и потеряли при настоящем положении Трапезунта свое значение, но все же интересно было бы знать, где они спрятаны. Когда грек мне это сказал, то мне стало ясно, что в Орта-Хиссар воры и искали эти векселя, а книги забрали для отвода глаз» [РГИА. Ф. 757. Оп. 1. Д. 54. Л. 88 об.].

РАБОТА НАД УЦЕЛЕВШИМ АРХИВОМ ЛЕТОМ 1917 г. УСЛОВИЯ РАБОТЫ И ЕЕ СОДЕРЖАНИЕ

Между тем архив в Хрисокефалос ждал «благоприятных условий, чтобы возможно было приступить к выяснению их археологического, юридического и экономического значения» [Успенский, 1916(3), с. 1662–1663]. К счастью, такая возможность вскоре представилась в 1917 г., когда в Трапезунд вместе с экспедицией Ф. И. Успенского для описания этого архива приехал востоковед и полиглот академик А. Е. Крымский⁴. Вместе с помощником П. Н. Лозевым он прибыл в Трапезунд 15 июня 1917 г.: «Тотчас приступили к работе». Описать следовало «около 3 тысяч пудов» различных рукописей: «Бумаги громадными кучами заполняли пять верхних помещений (хоры и гинекей) <...> и особую архивную комнату внизу, с левой стороны притвора» и представляли собой 1) «богатую турецкую библиотеку, которая в совокупности могла бы дать исчерпывающее понятие о турецкой литературе»; 2) рукописи и 3) документы, важные для «восстановления картины всех юридических отношений г. Трапезунда» [Успенский, 1918, с. 212–213].

В сохранившихся черновых записях⁵ Крымский так описывал начало работ в мечети Орта-Хиссар: «В церкви Златоглавой (в мечети Орта-Хиссар) несколько помещений завалено всевозможным бумажным хламом, представляющим совершенный хаос. То что похоже на книги и рукописи заключено было акад. Успенским в особую каморку, куда сва-

⁴ Изначально для этой работы был приглашен В. А. Гордлевский, но неотложные дела вынудили его отказаться от участия в экспедиции.

⁵ В архиве А. Е. Крымского сохранилась часть его записей о работах в мечети Орта-Хиссар, однако в самой описи этот текст, написанный почерком академика Крымского, неверно значится как «Отрывок дневника академика Успенского в мечети Орта-Хиссар».

лено также несколько мешков с разными документами земельного и полицейского характера. Сегодня мы осмотрели два мешка. Часть – векселя, часть – расписки, часть – полицейские исполнительные листы. <...> Обращает внимание употребительность персидского шрифта в деловых бумагах (таалик⁶) преимущественно в сл[едующих] случаях: заглавиях (впрочем, встречается целый ряд турецких документов, писанных персидской ск[орописью]). Попутно отметим, что надписи на фонтанах и на стенах в огромном большинстве оказываются сделаны тоже персидским тааликом. <...> Третий мешок почти сплошь представляет собою различные вакуфные документы трапезундских мечетей. Времена – Абдул Хамида. <...> 4[й] мешок состоял из деловых книг трапезунтского вилайета: паспортные дела, паспорта, реестровые книги относительно выдачи паспортов, канцелярские отчетности и т.п. Огромный мешок этот относится к 5–7 последним [неразборчиво] годам, и не только исторического интереса не представляет, но едва ли может иметь вообще какое бы то ни было историческое значение». [НБУ им. В. И. Вернадского, Архив академика А. Е. Крымского. I. 26607. [Дневник о работе...]. Л. 1–2].

И хотя архив устроен был в мечети Орта-Хисар, «пригодной под лучший ученый кабинет» [Успенский, 1918, с. 215], осенью 1916 г. она была превращена сначала в тифозный лазарет, потом – в казармы, отчего наполнилась мириадами блох, на которых и жаловался в письмах к сестре академик А. Е. Крымский. В остальном жизнь в городе ему нравилась: «Я, на удивление для всех, поправляюсь в здоровье, толстею, весь покрыт загаром. <...> Так не хочется возвращаться в сырую, холодную и голодную Москву после этого роскошного южного солнца и приятной морской свежести!» – делился впечатлениями А. Е. Крымский [НБУ им. В. И. Вернадского, Письмо А. Е. Крымского сестре. I. 23268. Л. 1].

«Дорогая Маша! Наконец, после 17 дней езды я в Трапезунте. Работа по разборке рукописей протекает в очень неприятных условиях: в мечети, где собраны рукописи, мириады блох, которые меня покрыли всего язвами в первый день занятий, и от которых моя белая сорочка через 10 минут превратилась в черную, – до того густо они меня облепили. Сегодня устроена дезинфекция т[ак] н[азываемая] «насекомоядная» – быть может, поможет. Впечатлений от военного города много», – писал академик А. Е. Крымский сестре в один из первых дней своего пребывания в городе, 21 июня 1917 г. [НБУ им. В. И. Вернадского, Письмо А. Е. Крымского сестре. I 23213. Л. 1].

21–23 июня они продолжили разбор бумаг:

«21–22 июня [1917 г.]. Продолжался осмотр мешков с документами. Содержание вполне аналогично с предыдущими: т.е. вакуфные ведомости, вилайетные канцелярские бумаги и т.п. Целые стопки пустых незаполненных бланков. Приступили к рассмотрению печатных книг и рукописей. Первая партия книг оказалась случайного сборного характера. Несколько десятков истрепанных печатных коранов, чередуются беллетристической, трактатами по педагогике, букварями и т.п.

23 июня [1917 г.]. На очередь поставлена была разборка ворохов книг большого формата, в той части, которую успели рассмотреть сегодня: около $\frac{3}{4}$ представляла собою литературу самого нового периода начиная от детских рассказов или константинопольского журнала для собирания марок и кончая романами французского типа на турецком языке. Эти книги были нами отложены в особый шкаф для передачи кому-нибудь из местных людей, могущих озаботиться о их неуничтожении. В остальной четверти были нами найдены и отложены особо коллекции» [НБУ им. В. И. Вернадского, Архив академика А. Е. Крымского. I. 26607. [Дневник о работе...]. Л. 1–3].

Несмотря на то что «каких-нибудь уников здесь нет», «подобралась ценная рукописная коллекция», – подытоживал А. Е. Крымский уже в отчете [Успенский, 1918, с. 214].

⁶ Название арабских курсивных писем.

На этом предварительные заметки об описании рукописей прерываются, вероятно, далее имела место информация, послужившая материалом для отчёта А. Е. Крымского в периодическом издании «Известия Академии наук». Некоторые кораны были описаны Крачковским; османскими рукописями, поступившими с Кавказского фронта, также занимался доцент П. А. Фалев [Фалев, 1918], в 1919 г. получивший звание профессора.

Интересны сведения академика Крымского о жизни в городе от 14 июля 1917 г.: «Не хочу “сглазить”, но устроился я в Трапезунте очень недурно. Чудная комната в отеле на берегу моря, с изумительно красивым видом. Отель – в непыльной улочке – тупике. <...> Занятия мои в церковном архиве приходят к концу. Архив – несомненно – мерзкая, гнусная дыра. Блох частью истребили, но вонь и сырость остались. К счастью, 1-го августа конец работе в архиве, и далее я работаю самостоятельно, как хочу: буду ездить по окрестностям и собирать материалы» [НБУ им. В. И. Вернадского, I. 23215. Л. 1об.].

Судя по письмам, Крымский чуть ли не единственный из участников экспедиции в полной мере наслаждался пребыванием в Трапезунде: «Август здесь очень хорош. <...> Мне здесь очень нравится обилие солнца при свежем морском ветре, и так как после 1-го августа мне не надо будет работать в сырой мечети, полной миазмов (и все еще не лишенной блох) <...>. Не скрою, что другие члены экспедиции чувствуют себя не так хорошо, как я. Один (москвич проф[ессор] Протасов) заболел острой малярией, и его завтра отправляют в Россию. Четверо других переболели местной лихорадкой (т[ак] н[азываемая] “хава”), которая длится около недели и напоминает инфлюэнцу» [НБУ им. В. И. Вернадского, I. 23215. Л. 1 об., I. 23216. Л. 1–1об. Письмо А. Е. Крымского сестре от 23 июля 1917 г.].

Хотя Трапезундская экспедиция принесла много ценного материала, с изданием результатов возникли проблемы, поэтому еще долгое время ее результаты не были доступны научной общественности. В письме к В. И. Вернадскому от 9 октября 1917 г. (почти сразу после возвращения из Трапезунда) А. Е. Крымский отметит: «Считаю результаты экспедиции в общем удачными (все-таки свыше трехсот одних рукописей), хотя многое только теперь и наматилось» [АРАН, Ф. 518. Оп.3. Д. 880. Л. 29].

СУДЬБА РУКОПИСЕЙ ПОСЛЕ ИХ ОПИСАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

Однако опубликовать результаты экспедиции не удалось по нескольким причинам: из-за конфликта между ее участниками, из-за частичной потери архива вследствие Первой мировой войны, когда Ф. И. Успенский остался почти без библиотеки [СПбФ АРАН. Письмо Ф. И. Успенского В. П. Бузескулу Ф. 825. Оп. 2. Д. 219], а также вследствие революции и Гражданской войны. До конца проследить историю потерь пока не удастся. В одном из документов Украинской Академии наук от 1926 г. (ответ на запрос Народного Комиссариата) отрицается, что «рукописи, которые были вывезены академиком Ф. И. Успенским в 1916 г., находятся частью в Киеве» [НБУ им. В. И. Вернадского, I 26609], И. В. Зайцевым была проанализирована одна рукопись, вывезенная академиком А. Е. Крымским из Трапезунда [Зайцев, 2016].

Кроме того, часть архива пропала из Орта-Хисар уже после отъезда второй экспедиции. В самом начале февраля 1918 г. Ф. М. Морозов, санитар Красного Креста, член Археологического института в Петербурге, на общественных началах помогавший экспедиции, сообщил Ф. И. Успенскому в телеграмме, что в храм Богородицы Златоглавой вновь помещены солдаты: «[Вследствие] неосторожного обращения солдат с огнём сгорела часть архива. Солдаты выбрасывали документы архива из ящиков, употребляя ящики на топливо, город эвакуируется...» [РГИА. Ф. 757. Оп. 1. Д. 53. Л. 154]. Ф. И. Успенский предпринял ряд попыток по вывозу архива из мечети в Батум или Тифлис: «Я говорил по этому делу с доктором Кефели, который сегодня отправляется в Тифлис и просил бы

Вас выслушать его. Взгляд доктора на вопрос вывоза [рукописей] я разделяю. Мы оба думаем, что архив из храма “Златоглавой” нужно эвакуировать» [РГИА. Ф. 757. Оп. 1. Д. 53. Письмо Ф. И. Успенского от 30 августа 1917 г. Л. 137].

В отчете А. Е. Крымский оценит приблизительное количество архивных бумаг и рукописей, которое ему придется разбирать в Трапезунде вместе с Ф. И. Успенским, следующим образом: «Все-таки позволительно думать, что и в июне 1917 г. расстилавшийся перед нами беспредельный бумажный хаос едва ли составлял меньше, чем 2000 пудов» [Успенский, 1918, с. 214–215].

Несмотря на такое количество рукописей, не все они на тот момент имели палеографическую ценность. В «Описании собрания коранов, вывезенных из Трапезунда академиком Ф. И. Успенским», И. Ю. Крачковский отмечал: «Коранов двенадцать, относятся ко второй половине XIX в. При наличии (между прочим, и в Петрограде) коранов, относящихся к VIII–IX веку, коллекция не представляет научного значения ни для текстуальной критики, ни для палеографии. Для истории мусульманского искусства она тоже мало дает, так как заставки частью отличаются полным безвкусием, частью подражают поздним европейским образцам. Несколько интереснее два-три переплета с недурным тиснением на коже. Для турок ценность коллекции тоже едва ли велика, так как каждая мечеть обладает аналогичными списками. Единственное значение рукописи имеют как образцы мусульманской каллиграфии в последнем веке» [Крачковский, 1917, с. 346]. Однако прошло 100 лет, и ценность коллекции на данный момент в силу ряда причин могла возрасти.

Вывезенные из Трапезунда рукописи впоследствии были обменены на часть библиотеки Русского Археологического Института в Константинополе (уже после смерти бывшего директора Института Ф. И. Успенского), конфискованной турецким правительством в начале Первой мировой войны. О передаче османских рукописей Турции и их обмен на имущество РАИК с Академией Наук вел переписку Народный Комиссариат Иностранных дел, а именно первый восточный отдел НКВД; поскольку академика Ф. И. Успенского уже не было в живых, наркомату отвечали профессор И. А. Орбели и академик Н. Я. Марр [ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 811. Л. 26, 28]. (Конечно, вопрос о возвращении имущества РАИК в Россию поднимался и обсуждался на заседаниях Академии наук и раньше, в 1925–1926 гг.⁷, но решен был не сразу.) В отчетах и переписки Академии с НКВД отмечалось, что «большая часть вещей экспедиции была оставлена на хранение на Кавказе, кажется – в Батуме или в Тифлисе» [ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 811. Л. 26], часть же была передана в Азиатский музей в Тифлисе или директору гимназии в Батуме [Басаргина, 1999, с. 41]. Речь шла о возврате только османских рукописей, наиболее ценных коранов, что же стало с персидскими и арабскими рукописями, ни один из этих профессоров точно сказать не мог [ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 811. Л. 28]. Да и не все отправленные в Батум рукописи удалось там обнаружить вследствие недоразумения⁸, произошедшего во время доставки, которое не удалось исправить даже несмотря на специальную поездку в Батум по этому вопросу П. Н. Лозеева (об этой командировке помощник А. Е. Крымского подробно отчитался в письме к Ф. И. Успенскому [РГИА. Ф. 757. Оп. 1. Д. 53. Л. 158]). Хотя получить имущество РАИК до смерти Ф. И. Успенского не удалось, в 1929 г. «турецкое правительство согласилось обменять научные материалы

⁷ См. СПБФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 34. Протоколы комиссии по вопросу о Константинопольском археологическом институте. Л. 22. Так, 19 декабря 1925 г. Ф. И. Успенский докладывал «подробности вывоза для охраны из Трапезунда некоторых рукописных памятников, находящихся ныне в Батуме и Азиатском музее, и о необходимости их вернуть турецкому правительству».

⁸ Часть имущества экспедиции была отдана какому-то «старичку», а сундук с материалами был поставлен в некоей кладовке, как следует из письма П. В. Лозеева Ф. И. Успенскому. Что конкретно было увезено, а что потерялось, сказать на данный момент трудно. РГИА. Ф. 757. Оп. 1. Д. 53. Л. 158–159.

РАИК на мусульманские рукописи⁹, вывезенные в 1916–1917 гг. Ф. И. Успенским из Трапезунда в Россию, в Турцию был направлен старший ученый хранитель Пушкинского Дома М. Д. Беляев для приема имущества Института» [Басаргина, 1995, с. 91]. Сразу после трапезундской экспедиции Ф. И. Успенский писал про собранные там рукописи: «По стоимости они, конечно, не равняются тому, что секвестировано турками в Константинополе», но послужат «некоторым вознаграждением турецкому правительству за рукописи и коллекции РАИК» [Успенский, 1918, с. 226–227]. И это притом что коллекция РАИК стоимостью более 300 тысяч рублей была собрана за годы существования Института на его средства.

ДРУГИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ А. Е. КРЫМСКОГО В ТРАПЕЗУНДЕ

Помимо работ непосредственно в составе экспедиции, а также свободного и самостоятельного изучения памятников¹⁰, во время нахождения в Трапезунде А. Е. Крымский делал также лингвистические заметки о восточных языках. К тому моменту уже бывший городской голова караим Кефели вспоминал, как Крымский, посиживая с ним на веранде трапезундскими вечерами, беседовал с супружеской четой Кефели об особенностях караимского языка: «Почти ежедневно после обеда приходил к нам тюрколог профессор и академик новой украинской академии¹¹ – Крымский, с которым мы взбирались на площадку крыши нашего домика <...>. Академик Успенский посвятил русских трапезундцев в греческий и догреческий его периоды, а академик Крымский дополнял эту историческую быль края турецким периодом, связывающим древнейший город с его настоящей русской оккупацией, в которой играли роль и мы. Сухонький старичок лет шестидесяти, очень скромный и тихий профессор Крымский был интересным рассказчиком и тонким знатоком тюркских языков. Он очень интересовался особенностями караимского языка, джеготальского наречия, самого древнего из тюркских языков современности. В караимском языке (особенно литовских караимов) сохранились черты языка половцев, фактически уже исчезнувшего. Даже у крымских караимов еще полностью сохранились древние тюркские названия дней недели и некоторые названия месяцев, теперь уже у всех тюрков-мусульман под влиянием ислама замененные арабскими. <...> Все это интересовало профессора Крымского, который все записывал. Жена моя, подчивавшая нас чаем, принимала близкое участие в этих беседах, так как лучше меня знала караимский язык и особенно много знала пословиц» [BAR, Kefeli papers, с. 340–342].

Кроме того, как видно из писем, Крымский много ездил по окрестностям. Подробной информации о его поездках не сохранилось, однако, как известно из письма А. Е. Крымского своему ученику, востоковеду и дипломату В. Ф. Минорскому от 12 августа 1917 г., Крымский ездил в Оф («55 верст от Трапезунда в сторону Батума») посмотреть «мнимый замок» царицы Тамары [АВ ИВР РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 640. Л. 2. Письмо В. Ф. Минорскому от 13 августа 1917 г.]. «Мое пребывание в Трапезунде дало мне массу впечатлений, выразившихся даже стихотворно¹². Напечатаю новый цикл в марте, в одном из журналов. Важнее же всего – чисто ориенталистические впечатления. Кое-что я набро-

⁹ Так изначально и предполагалось: обменять трапезундские рукописи, секвестированные из мечетей, на имущество РАИК; манускрипты же, приобретенные частным образом, могли быть распределены между русскими учреждениями, интересующимися восточными рукописями [Успенский, 1916(2), с. 1491]. А также см. СПбФ АРАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

¹⁰ К сожалению, о работе А. Е. Крымского в Трапезунде в августе – сентябре 1917 г. мы пока не так много знаем. Из личной переписки можно получить об этом довольно отрывочные сведения. В Москву из Трапезунда А. Е. Крымский вернулся 4 октября 1917 г. [АВ ИВР РАН, Ф. 134, оп. 3. Д. 640, Л. 3].

¹¹ Имеется в виду Национальная Академия наук Украины, которая была образована в 1918 г. Кефели писал эти строки годы спустя, на момент действия А. Е. Крымский академиком еще не был.

¹² Тут имеется в виду его стихотворный цикл «В Трапезунде».

сал в виде докладов, к[ото]рые прочту в Археол[огическом] Общ[ест]ве, а потом, конечно, напечатаю¹³» [АВ ИВР РАН. Ф. 134. Оп. 2. Д. 640. Л. 3об.], – писал он уже Минорскому 20 октября 1917 г. В письме от 4 августа А. Е. Крымский сообщит сестре: «Работая меньше в архиве, исходил хорошо соседние горы. Изумительно хорошо возделаны. Русские провели много стратегических дорог, и ходить по самым крутым Таврским вершинам теперь очень удобно...» [НБУ им. В. И. Вернадского, I 23219].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ имеющихся документов из разных архивов, как русских, так и зарубежных, показывает, что большая часть собранных русскими рукописей была возвращена обратно в Турцию, за исключением тех, которые были утеряны в Батуми в силу недоразумений [РГИА. Ф. 757. Оп. 1. Д. 53. Л. 158]. Что касается тех рукописных фрагментов, которые обнаружены недавно в архиве академика А. Е. Крымского [Зайцев, 2016], то способ их попадания в руки исследователя (были ли они куплены или откуда-то по каким-то причинам изъяты), как это часто бывало в военное время, выяснить либо вовсе невозможно, либо на данный момент затруднительно.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ / ARCHIVAL SOURCES

ВАР (Бахметьевский архив) [The Bakhmeteff archive of Russian & East European Culture, Columbia university libraries], Kefeli papers.

АВ ИВР РАН (Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН) [Institute of oriental manuscripts (IOM RAS), archive of orientalist], Ф. 134. Оп. 3. Д. 640.

АРАН (Архив РАН) [Archive of Russian academy of sciences], Ф. 518. Оп.3. Д. 880.

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации) [State archive of Russia], Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 811.

НБУ им. В. И. Вернадского (Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского. Фонд Института архивоведения) [Vernadsky National Library of Ukraine, Institution of the archives], I 23215; I 23219; I 23268; I 26607; I 26609.

РГИА (Российский государственный исторический архив) [Russian State Historical Archive], Ф. 757. Оп. 1. Д. 53, 54.

СПбФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН) [Saint Petersburg branch of ARAS], Ф. 825. Оп. 2. Д. 219; Ф. 116. Оп. 1. Д. 310; Ф. 169. Оп. 1. Д. 4. Л. 5; Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 34.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Басаргина Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе: архивные фонды. Под ред. И. П. Медведева. *Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 62–92 [Basargina E. Yu. The Russian Archaeological Institute in Constantinople: archival collections. Medvedev I. P. (ed.) *Arkhivy russkikh vizantinistov v Sankt-Peterburge*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1995. Vol. 1. Pp. 62–92 (in Russian)].

Басаргина Е. Ю. Историко-археологическая экспедиция в Трапезунд (1916 г.). *Вспомогательные исторические дисциплины*. 1991. Т. XXIII. С. 295–306 [Basargina E. Yu. Historical and archaeological expedition to Trebizond (1916). *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. 1991. Vol. XXIII. Pp. 295–306 (in Russian)].

Басаргина Е. Ю. *Русский Археологический Институт в Константинополе*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. [Basargina E. Yu. *The Russian Archaeological Institute in Constantinople*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1999 (in Russian)].

¹³ Здесь имеется в виду Московское археологическое общество. Найти этот доклад или упоминания о нём в сохранившихся архивах Общества автору не удалось. Подробнее о других занятиях Крымского в Трапезунде см.: [Цыпкина, 2019].

Гурницкий К. И. *Агафангел Ефимович Крымский*. М.: Наука, 1980 [Gurnitskii K.I. *Agafangel Efimovich Krymskii*. Moscow: Nauka, 1980 (in Russian)].

Зайцев И. В. «Османская археография в прифронтовой полосе (Трабзонские рукописи в библиотеках Санкт-Петербурга, Киева и Москвы)». *Национальные библиотеки: веки истории и современный облик. Материалы международно-практической конференции (г. Казань, 14–16 октября 2015 г.)*, Казань: Милли китап, 2016. С. 108–125 [Zaitsev I. V. Ottoman archeography in the front line (Trabzon manuscripts in the libraries of St. Petersburg, Kiev and Moscow; 14–16 of October, 2015). *Natsional'nye biblioteki: vekhi istorii i sovremennyy oblik. Materialy mezhdunarodno-prakticheskoi konferentsii (Kazan', 14–16 Ocotber of 2015)*, Kazan': Milli Kitap, 2016. Pp. 108–125 (in Russian)].

Крачковский И. Ю. Собрание рукописных коранов, вывезенных из Трапезунта академиком Ф. И. Успенским. *Известия Российской академии наук*. 1917. Сер. VI. № 6. С. 346–349 [Krachkovskii I. Yu. Collection of handwritten korans, exported from Trebizond by academician F. I. Uspenskii. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk*. 1917. Ser. VI. No. 6. Pp. 346–349 (in Russian)].

Минцлов С. Р. *Трапезондская эпопея*. Берлин: Сибирское книгоиздательство, 1925 [Mintslov S. R. *Trebizond epic*. Berlin: Sibirskoe knigoizdatel'stvo, 1925 (in Russian)].

Трапезондский военный листок (газета), № 30 от 4 декабря 1916 г. [*Trebizondskii voennyi listok* (newspaper). No. 30 of 4 December 1916].

Успенский Ф. И. Сообщение и отчет о командировке в Трапезунт. Приложение к протоколу 10 заседания Отделения исторических наук и филологии Имп. Академии наук 21 сентября 1916 г. *Известия Императорской академии наук*. Сер. VI. Т. 11. № 16. 1916(1). С. 1464–1480. [Uspenskii F. I. Message and report on the trip to Trabzon. 21 September 1916. *Izvestiia Imperatorskoi akademii nauk*. Ser. VI. Vol. 11. No. 16. 1916(1). Pp. 1464–1480 (in Russian)].

[Успенский Ф. И.]. Сообщение об условиях хранения собранных и оставленных в Трапезунте восточных рукописей. Из протокола 11 заседания Отделения исторических наук и филологии Императорской Академии наук 12 октября 1916 г. *Известия Императорской академии наук*. Сер. VI. Т. 11. № 16. 1916(2). С. 1490–1492 [Uspenskii F. I. A report on the storage conditions of the Eastern manuscripts collected and left in Trabzon. 12 October 1916. *Izvestiia Imperatorskoi akademii nauk*. Ser. VI. Vol. 11. No. 16. 1916(2). Pp. 1490–1492 (in Russian)].

[Успенский Ф. И.]. Второй отчет о занятиях в Трапезунте и окрестностях. Приложение к протоколу 12 заседания Отделения исторических наук и филологии Имп. Академии наук 26 октября 1916 г. *Известия Императорской академии наук*. Сер. VI. 1916(3). Т. 11. № 16. С. 1657–1663 [Uspenskii F. I. A second report on activities in Trebizond and its surroundings. 26 October 1916. *Izvestiia Imperatorskoi akademii nauk*. Series VI. 1916(3). Vol. 11. No. 16. Pp. 1657–1663 (in Russian)].

[Успенский Ф. И.]. Отчет о занятиях в Трапезунте летом 1917 г. Доклад 17 января 1918 г. в заседании Отделения исторических наук и филологии Академии наук. *Известия Российской академии наук*. Сер. VI. № 5. 1918. С. 207–238. [Uspenskii F. I. Report about scientific activities in Trebizond in summer 1917. Paper of 17 of January 1918. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk*. Ser. VI. № 5. 1918. Pp. 207–238 (in Russian)].

Успенский Ф. И. «Прибыл в Трапезунт на миноносце...» Записная книжка академика Ф. И. Успенского. 1916 г. Публикатор Цыпкина А. Г. *Исторический архив*. 2017(1). № 3. С. 158–181. [Uspenskii F. I. «I have arrived in Trebizond on a torpedo boat...» Academician Uspensky's notebook of 1916 of 1916. Ed. A. G. Tsyapkina. *Historical Archive*. 2017(1). No. 3. Pp. 158–181 (in Russian)].

Успенский Ф. И. «Прибыл в Трапезунт на миноносце...» Записная книжка академика Ф. И. Успенского, 1916 г. (продолжение). Публикатор Цыпкина А. Г. *Исторический архив*. 2017(2). № 4. С. 123–159 [Uspenskii F. I. «I have arrived in Trebizond on a torpedo boat...» Academician Uspensky's notebook of 1916 (continuation). Ed. A. G. Tsyapkina. 1916. *Historical Archive*. 2017. No. 4. Pp. 123–159 (in Russian)].

Фалев П. А. *Османские рукописи, поступившие в Азиатский музей Российской академии наук с Кавказского фронта*. Петроград: [б. и.], 1918 [Falev P. A. *Ottoman manuscripts submitted to the Asian Museum of the Russian Academy of Sciences from the Caucasus Front*. Petrograd: without publishing house, 1918 (in Russian)].

Цыпкина А. Г. Трапезундская научная экспедиция 1916–17 гг. Новые архивные материалы. *Причерноморье в средние века*. Вып. IX. Спб.: Алетей, 2015. С. 212–237 [Tsyapkina A. G. The Trebizond scientific expedition of 1916–1917 under a leadership of F. I. Uspenskii (1916–17). New archival

materials. *Prichernomor'e v srednie veka*. Ed. S.P. Karpov. Vol. IX. Saint Petersburg: Aleteiia, 2015. Pp. 212–237 (in Russian)].

Цыпкина А. Г. «Заметки о пещерах» в Трапезунде востоковеда А. Е. Крымского. Август 1917 г. *Исторический архив*. 2019. №1. С. 130–140 [Tsyapkina A. G. “Notes about the caves” in Trebizond by orientalist A. E. Krymskii. August of 1917. *Historical Archive*. 2019. No. 1. Pp. 130–140 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЦЫПКИНА Анна Георгиевна – младший научный сотрудник Архива РАН, соискатель на кафедре истории средних веков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Anna G. TSYPKINA – Junior Research Fellow in the ARAS (Archive of the Russian Academy of Sciences), external doctorate student of the Historical faculty in The Lomonosov Moscow State University (Middle ages department), Moscow, Russia.